
М. О. КОСВЕН

КТО ТАКОЙ КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ

1. Крестный отец, его функции и его положение

Крестный отец — согласно каноническим установлениям всех христианских церквей (православной, католической, протестантской и армяно-грегорианской) — это прежде всего «восприемник» при крещении, т. е. принятии ребенка (иногда взрослого) «в лоно церкви». Но согласно тем же каноническим правилам, а также и в особенности в народном обычае, роль и функции крестного отца значительно шире. Он остается и в дальнейшем, в течение всей своей жизни и жизни своего крестника, его «духовным отцом» (*pater spiritualis* у католиков), его воспитателем и руководителем в юности и молодости, его постоянным опекуном и советчиком даже в его зрелые годы.

Наряду с крестным отцом у многих народов существует также «восприемница» — крестная мать. У некоторых народов бывает только мужчина — крестный отец. У армян-грегориан тоже принят только восприемник — мужчина, *кавор*; восприемницы у них не существует. К этому вопросу мы еще вернемся ниже.

Но и при наличии двух восприемников роль, значение и влияние крестного отца гораздо шире, чем крестной матери. Это отражается и на соответствующих описаниях, которые гораздо чаще и больше говорят о крестном отце, чем о крестной матери. Сказанное отразится на нашем изложении, в котором первому уделяется больше внимания, чем второй.

Чего-либо аналогичного или близкого христианскому восприемничеству не существует, насколько мы знаем, в мусульманской и иудейской религиях. У буддистов, однако, существует некий «покровитель» ребенка, который обязан в течение всей жизни заботиться о нем.

У ряда славянских народов (восточные славяне, болгары, сербы, хорваты, поляки) крестный отец именуется также *кумом*, крестная мать *кумой*. Нередко термины кум и кума имеют весьма широкое и весьма неопределенное значение.

В крестные отцы родители новорожденного приглашают по общему правилу кого-либо из родственников, притом взрослого и уважаемого. Приглашение не-родственников, точно так же как и малолетних, составляет позднее явление. У украинцев в кумы приглашают обыкновенно родственников. Кум-не-родственник именуется особо: *кум клыканы* («приглашенный») и *стриньє* («встречный»).

Восприемничество принимает классовый характер. В соискании влиятельных или богатых покровителей в восприемники приглашаются помещики, начальники и пр., вплоть до царя и царицы. Но нас интересуют только народные формы восприемничества.

Приглашение в восприемники считается у всех христианских народов честью, и отказываться в таких случаях нельзя¹.

Первой функцией крестного отца, как и крестной матери, остается в народном быту восприемничество. При этом, если восприемников двое, то основная роль в данной процедуре принадлежит крестному отцу, а не крестной матери. Иногда именно он несет ребенка в церковь, подает его священнику, принимает от него и пр. У католиков именно крестный отец обносит ребенка вокруг купели, от имени ребенка отрекается от «духа тьмы» и т. д. Восприемники, в особенности, опять-таки, крестный отец, приносят своему крестнику подарки. У некоторых народов крестный отец выбирает своему крестнику имя².

За церковным обрядом крещения следует крестильное празднество, совершаемое нередко с большой пышностью, с большим числом приглашенных. И здесь крестный отец нередко играет главную роль. Родной отец держится в это время изолированно³.

Крестный отец является исполнителем древнего обряда *пострига* — первой стрижки волос ребенка, обряда, являющегося, видимо, осколком первобытной инициации.

Но наиболее выраженным образом проявляется роль крестного отца, как и крестной матери, при заключении брака и во время свадьбы их крестников.

Крестный отец играет важную, иногда решающую роль при обсуждении вопроса о браке своих крестников. У оренбургских казаков, например, когда родня девушки обсуждала вопрос о выдаче ее замуж, участие ее крестного отца было не только обязательным, но и наиболее важным. И он именно, как писал один наблюдатель, «так сказать, завершает своим благословением приговор. «Коли крестному ладно, так и нам подавно хорошо», заключают обыкновенно все»⁴.

Крестный отец выступал в качестве свата жениха. Именно он ехал к родителям избранной девушки, вел с ними все положенные для такого случая переговоры, договаривался, заключал условия и т. д.

Крестные отцы как жениха, так и невесты являлись у великорусов не только непременно, но и наиболее видными участниками свадьбы своих крестников, обычно играя роль одного из главных свадебных персонажей. Участие крестных отцов жениха и невесты в самом важном, решающем, имеющем актовое значение, обряде свадебного цикла — «сговоре», «рукобיתье» или «запое» — было обязательным. Крестный отец жениха бывал обычно его «посаженным отцом», «тысяцким», «старостой» и пр., то есть главным распорядителем свадьбы. При заключении брака и на свадьбе крестный отец играл порой гораздо более значительную роль, чем родной отец жениха и невесты.

Весьма выразительным образом значение, роль и положение крестного отца характеризуют его взаимоотношения со своими крестниками. Эти черты ярко отражены в русском «Домострое». Мы находим в нем специальный раздел «Како чтити детям отцов своих духовных и почитать им». Здесь говорится: «Подобает ведати се, како чтити детям отцов своих духовных; изыскати отца духовного добра, боголюбива

¹ J. S. Bystron, *Slowianske obrzędy rodzinne*, Krakow, 1916, стр. 89; P. Sargtori, *Sitte und Brauch*, I, *Die Hauptstufen des Menschendaseins*, Leipzig, 1910, стр. 34; Fr. Schmidt, *Sitten und Gebräuche bei Hochzeit, Taufen und Begrebnissen in Thüringen*, Weimar, 1863, стр. 62.

² П. А. Ровинский, *Черногория в ее прошлом и настоящем*, т. II, ч. 2, СПб., 1901, стр. 258; J. S. Bystron, *Указ. раб.*, стр. 88.

³ P. Sargtori, *Указ. раб.*, стр. 38.

⁴ В. Плотников, *Очерк свадебных обрядов у оренбургских новопоселенцев казачьих*, «Записки Оренбургского отдела Русского географического общества», 2, 1871.

и благоразумна и разсудительна, а не потаконника, пьяницу, ни сребролюбива, ни гневлива; такова подобает чтити и повиноватися ему во всем и каятися пред ним со слезами, исповедати грехи своя не стыдно и безсрамно, и заповеди его хранити; а призывати его к себе в дом часто, и извещатися всегда во всякой совести; и наказание его с любовью приниматьи; и послушати его во всем и чтите его, и биете челом перед ним ниско; он учитель наш и наставник; и имейте его, со страхом и любовью к нему приходите и приношение ему давайте от своих трудов по силе; и советсвати с ним часто о житии полезном, и востезатися от грехов своих; и како учити и любити мужу жена своя и чада, а жене мужа своего слушати; и спрашиватися по вся дни; а извещатися о гресех своих всегда пред отцем духовным, и обнажати грехи своя вся, и покорятися пред ним во всем, тии бо бдят о душах наших и ответ дадут о нас в день страшного суда; а не поносить их, ни осуждати, ни укоряти; а о ком учнут печаловатися, ино его слушати, и виноватого пожаловати, по вине смотря, с ним же разсудя»⁵.

В Курской губернии неуважение к своему крестному отцу, а тем более ссору с ним крестьяне считали особенным грехом. Ни одна женщина не позволяла себе показаться своему крестному простоволосой или босой. Во время полевых работ, когда все женщины работали при мужчинах в одних сорочках, каждая женщина, завидев издали своего крестного отца, спешила надеть сарафан⁶. У украинцев крестный отец мог давать своему крестнику советы и делать ему выговоры, даже обругать и ударить его. Крестник не мог ответить тем же: это считалось тяжким грехом⁷. У черногорцев «вјенчани кум», являясь видным персонажем свадьбы, остается и в дальнейшем другом обвенчанных им супругов, как бы их духовным отцом. Он дает им советы, помогает им, в случае ссоры их между собой — мирит их и вообще заботится о том, чтобы они жили между собой хорошо. Он же затем крестит их детей⁸. У южных славян вообще кум пользуется величайшим уважением, особа его считается как бы священной. Обидеть кума — великий грех. Против кума нельзя выступать свидетелем, нельзя на него подавать в суд. «Стой как перед кумом», гласит сербская поговорка⁹. Точно так же армянский *кавор* пользовался глубочайшим уважением своих крестников: «При встрече со своим крестным отцом они падают перед ним на колени», — писал побывавший в Армении в начале XV в. Иоганн Шильтбергер¹⁰.

Итак, роль крестного отца далеко не ограничивается только восприемничеством. Выражаясь в различных отношениях и формах, роль эта продолжается в течение всей жизни крестного отца и его крестников. В частности, в течение всей жизни, по различным поводам — по случаю праздника, дня рождения и пр., крестные родители должны делать своим крестникам подарки. В целом, расходы крестных, в особенности расходы крестного отца, начиная с крестин и крестильного праздника,

⁵ Цитируем по изданию: «Домострой Сильвестрова извода», текст, объяснительные статьи и словарь («Русская классная библиотека», под ред. А. Н. Чудинова, вып. 2), изд. 3, испр., СПб., 1911.

⁶ А. С. Машкин, Быт крестьян Курской губ., Обоянского уезда, «Этнографический сборник», 5, 1862.

⁷ Ив. М.-ра [Манжура], К статьям проф. Н. Ф. Сумцова «Культурные переживания, I, К вопросу о кумовстве», «Киевская старина», 1890, 1.

⁸ П. А. Ровинский, Указ. раб., стр. 276.

⁹ F. S. Krauss, Sitte und Brauch der Südslaven, Wien, 1885, стр. 611—617.

¹⁰ И. Шильтбергер, Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г. Пер. с нем., с примеч. Ф. Брауна, Одесса, 1867, стр. 177; см. о каворе также в нашей книге «Этнография и история Кавказа, Исследования и материалы», М., 1961, очерк «Переход к патрилокальному поселению».

бывают нередко довольно велики. В свою очередь, те или иные знаки внимания должны оказывать крестники своим крестным.

Помимо того, что крестные, притом в особенности крестный отец, пользуются величайшим уважением и почетом, у некоторых народов, например, у поляков, кумовья считаются ближе своим крестникам, чем их родители, и пользуются большим уважением¹¹. У болгар крестник в известных случаях наследует своему крестному отцу.

Особую, притом очень существенную, черту описываемого комплекса составляет то, что у многих народов крестный отец был и оставался лицом, так сказать, *постоянным*, а самое восприимчивость — делом *наследственным*.

Следующее очень выразительное показание имеем мы о болгарских порядках. У болгар посаженным отцом обыкновенно бывает крестный отец жениха. «У кого крестный отец был на свадьбе, у того должен крестить и женить детей, что продолжается чрез несколько поколений, и только в таком случае, если он умрет, не оставив ни жены, ни детей, выбирают нового посаженного отца. На свадьбу, равно и на крестины, за посаженным отцом посылается верховой, хотя бы он находился за тысячу верст. Крестный отец, получив приглашение, должен к назначенному дню явиться или прислать кого-нибудь из своих детей; этот обычай свято исполняется в Болгарии. Если крестный отец не имеет возможности приехать, то дает свое благословение, чтобы семейство то выбрало себе нового посаженного отца и восприимчика, что однако ж редко случается: ибо болгарин скорее потеряет все свое имущество, нежели лишится подобного родства»¹².

У гагаузов крестный отец выбирался раз навсегда и крестил в данном семействе всех детей, от первого до последнего. Более того, умирая, он передавал свое право (выделено автором. — М. К.) одному из своих сыновей, за неимением таковых — дочери¹³. И у хорватов крестные отец и мать избирались родителями для всех их детей, причем те же лица исполняли затем обязанности тысяцкого на свадьбе их крестников. Совершенно аналогичные черты постоянства и наследственности приуси армианскому кавору.

2. Восприимчивость в каноническом праве и в народном обычае

Восприимчивость является церковным институтом, однако в канонических источниках не существует никаких указаний об его происхождении. Вопросы, когда, по какому постановлению, кем было в христианской церкви впервые введено или учреждено восприимчивость, остаются без ответа.

Поэтому канонистам приходится строить по данному поводу только догадки или предположения. Так, согласно одному мнению, христианское восприимчивость возникло под влиянием римских законов об усыновлении — домысел совершенно не обоснованный. Другой домысел состоит в том, что восприимчивость возникло в порядке «обычного церковного права», причем, однако, не указывается, из каких оснований этот обычай возник¹⁴.

¹¹ J. S. Bystrop, Указ. раб., стр. 80—81.

¹² З. Княжеский, Обычай болгар при свадьбе, рождении и крещении детей и погребении, «Прибавления к Журналу Министерства народного просвещения», 1846, 3.

¹³ В. А. Мошков, Гагаузы Бендерского уезда, «Этнографическое обозрение», 1901, 1.

¹⁴ См. А. С. Павлов, По поводу некоторых недоумений в науке православного церковного права, М., 1891; его же, Продолжающиеся недоумения по вопросу о восприимчивости и духовном родстве как препятствии к браку, М., 1893.

В результате остаются все же совершенно без ответа вопросы, зачем христианской церкви понадобилось специальное «восприемничество» при крещении и почему, если этот порядок понадобился, то восприемниками должны были быть особые лица и не могли быть сами родители крещаемого.

Весьма существенно в вопросе о восприемничестве следующее. Оказывается, что по каноническому праву, православному и католическому, первоначально существовал и требовался только один восприемник и притом мужчина. Крестной матери не существовало. Действительно, наиболее ранние сюда относящиеся церковные источники говорят об одном восприемнике — мужчине. Лишь позже вошли в обычай два восприемника: мужчина и женщина¹⁵.

Совершенно категорические утверждения по данному вопросу находим у известного специалиста церковного права, проф. М. И. Горчакова. «Ни в более ранних, ни в более поздних практических сборниках церковного права греческой церкви,— пишет Горчаков,— не встречается упоминания об употреблении в церковной практике пары восприемников... В канонических памятниках везде говорится об одном восприемнике — мужчине или женщине». «По древним церковным правилам,— повторяет Горчаков,— при совершении таинства крещения считается необходимым только одно лицо восприемника (или восприемницы, смотря по полу крещаемого...). Второе лицо восприемника (или восприемницы) есть только требование обычая». Как указывает далее Горчаков, обычай пары восприемников возник раньше на Западе и стал затем проникать и распространяться на Востоке, причем восточная церковь вела даже борьбу с обычаем двувосприемничества. Обычай одного восприемника считался отличительной чертой православия в отличие от католической и протестантской церквей. Но и западная церковь, говорит Горчаков, признает, что по правилам (выделено Горчаковым) следует быть одному восприемнику, и лишь в виде уступки обычаю допускаются двое восприемников¹⁶.

К сказанному о состоянии вопроса о восприемничестве в каноническом праве надо прибавить, что в народном сознании и быту восприемничество, вместе с тем крестные отец и мать, отнюдь не составляют исконного явления. Наоборот, в народе восприемничество, более того, и самое крещение, в старину далеко не считалось нужным или обязательным и существовало только в силу требования и принуждения церкви, подкрепленных теми неблагоприятными последствиями, которые влекло за собой несоблюдение этого требования. В среде русского крестьянства в старину крещение новорожденного совершалось нередко только под давлением крайней необходимости, так что дети оставались некрещеными иногда многие годы.

Таким образом, совершенно очевидно, что крестный отец и крестная мать не являются персонажами исконного народного обычая, а насаждены церковью, и только таким путем, в результате долгой практики, сделались бытовыми явлениями и все же не народными обычаями.

Это положение относится, в соответствии с вышесказанным, в особенности к крестной матери. Отсюда во всех тех бытовых отношениях, в которых проявляется восприемничество, крестная мать играет далеко не равную, а только второстепенную роль. Подтверждение того, что пер-

¹⁵ А. С. Павлов, Указ. работы; И. Бердников, О восприемничестве при крещении и духовном родстве как препятствии к браку, Казань, 1892; то же относительно протестантского канонического права: P. Sartori, Указ. раб., стр. 33.

¹⁶ М. И. Горчаков, Церковное право, СПб., 1909, стр. 264.

воначально существовал один только крестный отец, находим в быту разных народов.

Восприимчивости свойственны еще следующие особые черты.

Родители крещаемого, в особенности отец, при крещении присутствовать не должны и обычно не присутствуют. Объяснение этого запрета состоит в том, что они в течение известного срока после рождения ребенка являются «нечистыми». Муж и жена вместе в восприимники, по общему правилу, не допускаются. Такие факты бывают, но в виде крайней редкости.

Согласно каноническому толкованию, восприимчивость создает между всеми его участниками, т. е. крестным отцом и крестной матерью, между ними обоими и родителями крестника и, наконец, между крестником и его крестными родителями — «духовное родство». Однако понятие этого «духовного родства» остается крайне неотчетливым, причем и здесь каноническое право оказывается бессильным его объяснить. Следствием «духовного родства» является то, что по церковным правилам брак между всеми лицами, связанными таким родством, считается недозволенным. Впрочем, в канонической литературе это положение считается спорным.

И в народном сознании восприимчивость порождает между его участниками особую близость, тоже нечто вроде родства — *кумовство*. Но и здесь данное понятие и его действие оказываются довольно неопределенными.

Запрещение брака или сожителства между лицами, связанными духовным родством, как по воззрениям церкви, так и по народным понятиям, имеет различные степени. В одних случаях это тяжкий или великий грех, в других — простое прелюбодеяние. Так, сожителство между крестной матерью и родным отцом крещаемого считается у всех народов тягчайшим преступлением, смертным грехом. У южных славян связь между кумом и его крестницей приравнивается к связи между отцом и дочерью. Даже мысль об этом считается величайшим преступлением, за которое небо немедленно наказывает¹⁷.

Между тем сожителство восприимников хотя и считается предосудительным, но приравнивается к обыкновенному прелюбодеянию. Иначе говоря, поскольку они не венчаны и притом могут состоять, оба или один из них, в браке, сожителство их считается только нарушением брачных норм, либо супружеской верности, но не считается ни особым преступлением, ни особым грехом.

Более того, это представление имеет, видимо, какую-то особую древнюю подоснову. Замечательным образом, по народным представлениям и в архаической народной практике славянских народов, между крестным отцом и крестной матерью одного крестника не только допустимы, но и дозволены, более того — как бы сами собой разумеются, свободные отношения и половая связь. Эти представления и соответствующие настроения оказывались настолько сильными, что бывали случаи, когда крестный отец и крестная мать вступали в связь сейчас же после выполнения ими обряда крещения.

Церковь, конечно, вела с этим явлением борьбу. По церковному уставу Ярослава, «иже коумъ с коумою блоудъ створить, епископу гривна злата, а прочее во епитимьи». Однако соответствующая народная практика продолжала держаться. Во всяком случае в народе было широко распространено представление о дозволенности или естественности более или менее близких, интимных отношений между кумом и

¹⁷ F. S. Krauss, Указ. раб., стр. 614.

кумой. «Куму можно целовать куму при всей деревне», — замечает И. П. Сахаров¹⁸.

Эти народные представления и соответствующая практика получили широкое отражение в фольклоре, в частности у русских и украинцев¹⁹. Отсюда пословица: «При народе куманек да кумушка, а без народа — поцелуй, голубушка»²⁰. Отсюда большое число фривольных рассказов, анекдотов и песен. Таковы песни: «Кум пьет с кумой», «И кумушка, и голубушка», «Ой кум куми рад, повив куму в виноград», «О кум до куми та раненько иде» и многие другие.

Все вышеуказанные черты народных архаических представлений и народной архаической практики, в частности и в особенности представление о дозволенности или естественно допустимой близости между крестным отцом и крестной матерью, кажутся совершенно непонятными. Они находят себе, однако, определенное объяснение, которое будет нами предложено в дальнейшем.

У ряда народов существует форма *множественного*, или *коллективного* восприимчивости. И тогда как каноническое право считает достаточным одного, максимум двух (мужчину и женщину) восприимчивиков, народный обычай стоит за несколько, больше или меньше, восприимчивиков. Так, в различных странах протестантской и католической религии был широко распространен обычай приглашать три — пять — восемь — двенадцать восприимчивиков. В некоторых местностях число это в старину доходило до тридцати и даже до ста²¹. Особо было распространено это обыкновение в южной Германии, в частности в Тюрингии.

Коллективное восприимчивество существовало у латышей. Кумовья составляли целую группу: в старину их бывало 10 пар, с течением времени это число сокращалось. Из такой группы кумовьев выделялись в качестве главных один крестный отец и одна крестная мать. Крещение у латышей обставлялось сложным обрядом и исполнение обязанности кума требовало больших расходов, так что приглашаемый в крестные отцы иногда предпочитал уклониться от этой чести. Одной из обязанностей кумовьев было коллективно приготовить колыбель для ребенка, для чего ехали в лес с особой процедурой и обрядностью. Интересную черту составляет то, что кумовьям предписывалось во все время крестильного обряда и крестинных празднеств держаться вместе, стоять или сидеть сплошным рядом²².

3. Материнский дядя и некоторые его функции

Все те функции и всю ту роль, которую согласно каноническим положениям исполняет, как описано выше, крестный отец, в практике народного обычая исполняет также материнский дядя.

Материнский дядя (*avunculus*) является, вообще говоря, весьма видным персонажем архаического народного быта, возникающим в эпоху

¹⁸ И. П. Сахаров, Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, II, 2, СПб., 1837, стр. 9.

¹⁹ См. Н. Ф. Сумцов, К истории развития понятий народа о нравственном значении кумовства («Культурные переживания», № 72), «Киевская старина», 1889, IС. И в. М.-ра, Указ. раб.

²⁰ Сообщено Н. Н. Велецкой

²¹ Н. Ploss, Das Kind im Brauch und Sitte der Völker, Leipzig, 1884, стр. 196—198; P. Sartori, Указ. раб., стр. 34.

²² Ф. Я. Трейланд, Крестинные обряды латышей, «Сборник материалов по этнографии, изд. при Дашковском этнографическом музее», I, 1885.

перехода от матриархата к патриархату и стойко сохраняющимся в последующем. Этой теме нами посвящено специальное исследование²³.

Приведем здесь только те данные о роли материнского дяди, которые относятся к тем же положениям, в которых, как это описано выше, выступает крестный отец²⁴.

Здесь только следует предварительно учесть, что истории архаического быта весьма широко присуще особое явление *замещения*. Оно состоит в том, что в процессе изживания некоторых порядков и обычаев определенный персонаж, играющий ту или иную роль, в силу различных причин и обстоятельств замещается в этой роли или в отдельных своих функциях другим лицом. Таким именно образом материнский дядя замещается в свойственной ему роли или функциях другим лицом, в особенности другим родственником, в частности и в первую очередь — отцовским дядей, затем родным отцом, братом, затем и не-родственником, другом, товарищем и пр.

Материнский дядя начинает играть роль уже с момента появления на свет ребенка своей сестры. Если дядя отсутствует, ему немедленно дается знать о рождении племянника. Нередко именно дядя выбирает имя новорожденному, впрочем только мальчику (девочке имя дает бабушка или мать). Он же совершает акт пострига мальчика. Именно материнский дядя играет крупную, иногда решающую, роль в заключении брака своих сестриных племянников и племянниц. Он же — виднейший персонаж их свадьбы, он играет определенную роль при их погребении, наконец, он же занимает то особое положение, пользуется таким же уважением, почетом, влиянием и пр., какими пользуется, как было описано, крестный отец.

Заслуживает особого внимания, что во многих описаниях свадьбы главное действующее лицо свадебного цикла именуется «дядькой».

У великорусов в различных местностях посаженный отец, которым бывал обычно крестный жениха, именовался «дядькой»²⁵. Это относится в частности к Калужской губернии, где посаженный отец в свою очередь назывался «дядькой»²⁶. Согласно другому сообщению, относящемуся к той же Калужской губернии, «дядька» был важным свадебным чином. Он все время состоял при женихе, вел его за руку, ехал с ним, вместе с другими поезжанами, за невестой и таким же порядком возвращался. «Дядька» отводил жениха и невесту в чулан к брачному ложу. Он же в обряде хождения молодых за водой вел их к колодезю²⁷. Точно так же в Орловской губернии один из свадебных чинов жениха именовался «дядькой»²⁸. В свою очередь на Украине в различных местностях свадебный сват или староста назывался «дядько» или «вуйка». Жених, придя к намеченному им совместно со своими родителями лицу и прося его быть его сватом, называл его «дядькой».

Некоторыми особенностями отличается участие в заключении брака и свадьбе дяди (эвентуально — материнского дяди) невесты. Дядя не-

²³ См. наш очерк «Авункулат», «Сов. этнография», 1948, 1; см. также различные данные и интерпретации в нашей книге «Этнография и история Кавказа, Исследования и материалы», в особенности очерк «Аталычество».

²⁴ Мы берем здесь, конечно, только материалы, относящиеся к христианским народам.

²⁵ П. С. Богословский, К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов, «Пермский краеведческий сборник», 13, 1927, стр. 39.

²⁶ П. Ляметри, Свадьбы крестьян Мещовского уезда, «Памятная книжка Калужской губернии на 1862 год», Калуга, 1863.

²⁷ М. Е. Шереметева, Свадьба в Гамаюншине Калужского уезда, Калуга, 1928.

²⁸ А. Терещенко, Быт русского народа, т. II, Свадьба, СПб., 1848, стр. 196 и след.

весты играет, вообще говоря, менее видную роль, чем дядя жениха. Это объясняется, в частности, тем, что функции дяди жениха и дяди невесты исторически различны. Поскольку инициатива в браке исходит всегда (если не говорить об эпохе матриархата и об особых, редких формах) только со стороны жениха, дядя невесты никак не выступает в качестве свата, начинающего переговоры о браке, хотя, как мы видели выше, он играет значительную роль в решении вопроса о браке своей племянницы.

Наконец, впору сказать, что, вообще говоря, весьма часто, по широко распространенному обыкновению, крестным отцом бывал именно материнский дядя.

Отметим в заключение к приведенным данным и сопоставлениям, что в сравнении с тем выдвинутым положением, которое занимает при описанных нами обстоятельствах дядя или крестный отец, весьма незначительной оказывается роль родного отца. Но здесь можно на основании конкретного материала говорить также об указанном уже нами явлении замещения: родной отец вытесняет и замещает как дядю, так и крестного отца.

Наряду с приведенными показаниями о роли в народном быту материнского дяди, дяди вообще или «дядьки» этнографические источники во многих случаях говорят о выполнении одних и тех же функций дядей и крестным отцом альтернативно, либо параллельно. Это говорится, в частности, о свате жениха, о посаженном отце, о тысяцком и пр. Так, по одному показанию, сватом жениха бывает часто его дядя, либо крестный отец²⁹. «Тысяцким, — писал один наблюдатель, — бывает крестный отец или родной дядя жениха»³⁰. В Калужской губернии, как и во многих других местностях России, в свадьбе участвовали и играли видную роль одновременно как дядя, так и крестный жениха³¹.

В былине «Князь Карамышевский» князь Владимир является крестным отцом своего «любимого племянника» Василия Ивановича, сына сестры Владимира, т. е. его материнским дядей³².

В свадебном цикле многих народов существует обряд, по которому невеста, иногда также и жених, в тот или иной момент уходят на некоторое время в другой дом, к кому-нибудь из родственников, к соседу, к подруге. У восточных славян это иногда дом крестного отца, либо, опять-таки, дяди.

В Малоархангельском уезде Орловской губернии подруги вели невесту к соседу, где она должна была мыться в бане. Подходя к дому соседа, невеста, хотя этот сосед был ей совершенно чужой, пела:

Желанный ты мой дядюшка,
Встречай-ка ты меня горькую... и т. д.³³

²⁹ П. С. Богословский, Указ. раб., стр. 5.

³⁰ С. Я. Дерунов, Крестьянская свадьба в Пошехонском уезде, «Труды Ярославского губернского статистического комитета», 5, 1868.

³¹ М. Е. Шереметева, Указ. раб.

³² А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, т. 1, изд. 4, М.—Л., 1949, стр. 221—223, стихи: 225, 277, 316—317.— В. К. Гарданов в своих замечательных работах: 1) «Кормильство» в древней Руси, «Сов. этнография», 1959, № 6; 2) О «кормилице» и «кормилищнице» краткой редакции Русской правды, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», 35, 1960, и 3) «Дядьки» древней Руси, «Исторические записки», 71, 1961 — впервые обратил внимание на древнерусский персонаж «кормильца — дядьки», причем, на наш взгляд, прямо подошел к сближению этого персонажа с материнским дядей. Если бы автор привлек к своим изысканиям еще и крестного отца, его интереснейшая реконструкция достигла бы, с нашей точки зрения, своего блистательного завершения.

³³ В. И. Шеин, Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., I, СПб., 1898—1900, стр. 606.

4. Итоги и выводы

Прежде чем обратиться к тем итогам и выводам, которые мы можем сделать из нашего конкретного материала, отметим и подчеркнем следующее.

Вопросы о крестном отце и крестной матери, о восприемничестве и «духовном отцовстве» невольно, может быть даже необходимым образом, связываются с широким вопросом о самом обряде («таинстве») крещения, о его происхождении и значении, в частности о происхождении и значении восприемничества.

Однако обращаться к этой сложнейшей теме мы не имеем возможности. Поэтому мы ограничиваемся только теми общими замечаниями и выводами, которые можно сделать на основе нашего материала непосредственно.

Прежде всего, наш материал показывает, что этнографически, в народном быту, крестный отец и материнский дядя — персонажи в высшей степени близкие. Архаический материнский дядя и его пережиточные дериваты («дядька», отцовский дядя, родной отец, родственник и пр.) играют в народном быту роль, совершенно аналогичную роли крестного отца. При этом иногда в народном обычае «дядя» фигурирует либо альтернативно, либо параллельно с крестным отцом.

Представляется, однако, совершенно очевидным, что персонаж материнского дяди, со всем его общественным значением, с его ролью и его влиятельностью, существовал в народном быту гораздо раньше, чем появились крещение, восприемничество, кумовство и пр. Это тем более, что, как известно, самое крещение вошло в практику христианской религии только со II в. н. э., а распространяться стало только после первого вселенского собора, т. е. после IV в.

Итак, кум — персонаж исторически гораздо более поздний, чем материнский дядя.

Таким образом, при ее исключительной приспособляемости к народному быту и народному мировоззрению, христианская церковь не могла не посчитаться с той ролью, которую у народа играл материнский дядя. И церковь использовала авункулуса для потребной ей роли восприемника и «духовного отца».

В свою очередь народный обычай, видимо, принял крестного отца потому, что он совместился или слился или впоследствии занял место широко популярного «дяди», и еще потому, что первобытная роль этого дяди в ту пору уже сильнейшим образом изживалась.

Принимая крестного отца взамен «дяди», народный обычай сохранил за ним ту роль и то положение, которые играл и которое занимал материнский дядя. Более того, по всей видимости роль крестного отца значительно расширилась за счет ряда элементов, присущих материнскому дяде.

Преемственность крестного отца и материнского дяди и расширение функций первого выразились в частности и в особенности в том, что крестный отец сделался лицом постоянным и наследственным. Эти черты, по-видимому, совершенно не необходимы с канонической точки зрения. Но они вполне объяснимы из того, что авункулус был представителем материнского рода крещаемого, и таким образом крестный отец являлся архаически лицом не случайно или по каким-либо иным мотивам выбранным, а выполняющим определенные функции в силу своего положения и, передающим эти функции по наследству в своем роде или в своей семье.

Черты постоянства и наследственности восприемничества выражают

архаически постоянную связь между двумя родовыми группами или двумя семьями. В этом отношении примечательны две свойственные восприемничеству черты: это одновременно и *обязанность*, от которой нельзя отказаться, и *право*, — черты, отражающие начала родового права.

Наше толкование обстоятельств появления крестного отца объясняет и ряд других, частных, черт восприемничества.

Вот почему родители не могут быть восприемниками. Вот почему родители новорожденного, в особенности отец, не только не принимают участия в обряде крещения, но не должны присутствовать при нем, как и на крестинном празднестве. Это потому, что отец — *другого рода*, чем крещаемый. Мать — хотя и того же рода, но на данном этапе она уже не является выразительницей идеологии рода, тем более не может играть роль представительницы рода.

Объяснение их неприсутствия мотивом «нечистоты» является, конечно, позднейшим переосмыслением.

Особое значение в нашей аргументации принадлежит коллективному восприемничеству. Казалось бы, оно никак не необходимо в чисто религиозном акте учреждения крестного отца. И недаром, как мы видели, церковь и каноническое право не только не требовали и не признавали множественности восприемничества и даже двувосприемничества, но и боролись с ним. Но эта множественность в восприемничестве совершенно закономерна и объяснима с точки зрения действия родовых начал и значения персонажа материнского дяди, являющегося всегда в сущности одним из дядей или представителем всего материнского рода.

Судя по имеющимся у нас показаниям, коллективное восприемничество распространено в странах протестантского и католического исповедания. У нас нет прямых данных о существовании этой формы у православных. Однако сказать, что коллективное восприемничество свойственно только протестантско-католическому миру и не свойственно православному, — весьма рискованно.

Протестантско-католическая церковь и в особенности государственная власть противодействовали коллективному восприемничеству: церковь, — признавая достаточным одного или хотя бы пару восприемников, власть, — ограничивая их число и штрафуя за принудительное приглашение крестных отцов. Но примечательно упорство в этом отношении народного обычая, который стойко сохранял коллективную форму кумовства. Обращает на себя внимание *число* восприемников: три, девять, тридцать, девяносто, сто. Цифры эти не случайны, а скорее имеют символический характер.

Особо интересно описание латышского восприемничества. Как было сказано, у латышей в старину было *девять* кумовьев. Возможно, что девять здесь, — опять-таки, число символическое. Латышские восприемники выступают как определенный коллектив, они подчеркивают свое единство, держатся нарочито сплоченно. Весьма знаменательно, что в особом обряде, пронизанном символизмом, они коллективно изготавливают и приносят колыбель для новорожденного.

Коллективным было в основном только крестильное кумовство, в других актах, в частности в свадебном обряде, оно не известно. Обратим, однако, внимание на то, что в развитом свадебном цикле, в частности как раз в православной среде, существует ряд мужских персонажей, довольно близких между собой по их роли и функциям. Таковы: кум, посаженный отец, свадебный сват, староста, воевода, тысяцкий, дёвёр, шафер, дружка, знаменосец (у сербов) и др. Не являются ли эти персоны лишь дифференцировавшимися в процессе развития свадебного

действия и получившими разные роли членами все того же, архаически единого, коллектива представителей материнского, позже — отцовского рода?

Итак, мы предлагаем, хотя бы и условно, следующее толкование коллективной формы восприемничества. Архаически — это представители материнского рода новорожденного, возможно, именно его материнские дяди, родные и коллатеральные. Поэтому девять восприемников латышского обряда подчеркивают свое единство, поэтому они коллективно изготавливают люльку для ребенка, ибо принесение колыбели является архаической, универсально распространенной, традиционно обязательной функцией материнского рода новорожденного.

Наконец, надо напомнить, что в наиболее примитивных формах авункулата выступают несколько материнских дядей, и надо думать, что здесь имел место переход от коллективной формы к форме индивидуальной: от нескольких дядей к одному. Совершенно аналогичное явление произошло, по-видимому, и с кумовством.

Вопрос о крестной матери — еще один очень сложный вопрос. Как было сказано, она явилась позже, чем крестный отец. Возможно, что она была введена первоначально только для девочек, которых раньше вообще не крестили, причем действовало положение, по которому восприемник соответствовал полу крещаемого. Здесь могло действовать и соображение, что мужчина — крестный отец девочки — явление все-таки несуразное. Затем уже для всех случаев крещения к крестному отцу была присоединена и крестная мать. Возможно, что, как полагают некоторые канонисты, это было учреждено церковью по аналогии с родным отцом и матерью, ибо, с другой стороны, наличие только отца, без матери, представлялось также несуразностью.

Так или иначе, подчеркнем еще раз, крестная мать играет и в каноническом праве, и в народном обычае гораздо меньшую роль, чем крестный отец.

Когда в присоединение к дяде — крестному отцу была введена крестная мать, таковой, поскольку эта «духовная мать» была введена по аналогии с родной матерью, т. е. женой отца, естественным образом должна была оказаться жена дяди. Это обстоятельство приводит к тому, что вопрос о крестной матери связывается с еще более сложным вопросом о жене материнского дяди.

Архаически, при дуальной экзогамии, когда брак заключается между двумя определенными родами или родовыми группами, жена дяди — это его крест-кузина. Она одновременно и сестра отца (отцовская тетка) племянника дяди. Отсюда крестная мать архаически — жена крестного отца и одновременно отцовская тетка крестника.

Жена дяди, или отцовская тетка, начинает играть некоторую роль в воспитании и судьбе своих дважды племянников и племянниц (по брату и по мужу) с развитием института авункулата и впоследствии сохраняет эту роль в качестве крестной матери.

Если все это так, то раскрывается загадка вышеупомянутого народного представления о том, что между крестным отцом и крестной матерью дозволена половая близость. *Ибо архаически они — муж и жена.* Это положение и откладывается в народном сознании в виде представления о естественности и дозволенности их близких супружеских отношений, действуя в виде своего рода инстинкта.

Борясь с данным видом прелюбодеяния, церковь использует понятие «духовного родства». Как было сказано, сущность этого понятия остается в каноническом праве весьма туманной. Но с этим видом нарушения нормы духовного родства церковь борется все же слабо, некото-

рые канонисты считают данный запрет спорным, народная же практика держится, как мы видели, совершенно иной позиции.

Но что действительно считается совершенно неоспоримым, сурово преследуется церковью и народом, признается смертным грехом, это — связь между крестной матерью и родным отцом крестника, равно как между крестным отцом и родной матерью крестника. *Ибо архаически это родные сестры и братья.*

Существует общеизвестное и до нашего времени имеющее хождение выражение «кумовство» в смысле покровительства, протекции и пр., преимущественно родственникам. Откуда это выражение взялось и как оно связано со словом *кум*?

Существует еще старое выражение *непотизм*, означающее точно то же самое, что кумовство. Непотизм происходит от латинского слова *перос*, «племянник». Иногда кумовство и непотизм фигурируют как синонимы.

Итак, *кумовство* (от *кум*) — архаически — покровительство материнского рода, в частности покровительство материнского дяди своему племяннику.

SUMMARY

A godfather (Russian «kum») who presides over a child's baptism is a figure common to all christianity. A godfather's actual functions, however, are much wider: he is the educator and principal authority in arranging the marriage of his charges, whom he guides in their personal, family and business life. Among certain peoples, one child may have several godfathers. The godmother plays a far less prominent part; certain peoples (e. g., the Armenians) in general do not have godmothers. The godfather is chosen primarily from among the child's relatives (excluding the child's own father). Neither the history of religion, nor canonical law give a clear explanation of the origin of the institution of god-parents.

A godfather's functions are similar to those of an uncle on the mother's side (*avunculus*). The latter is the prototype of the godfather, while the godmother emerged as the uncle's wife. Hence the specific traits of the relations between a child's parents and god-parents. An illicit connection between the godfather and the child's own mother, as well as between the godmother and the child's own father is considered to be a mortal sin, for archaically they used to be brothers and sisters. At the same time, intimacy between godfather and godmother is permitted, as eloquently testified by folklore, for archaically they used to be husband and wife. In the Russian language the word «kumovstvo» is synonymous with «nepotism», denoting protection of a nephew or any other kinsman.